

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1'25

DOI: 10.17223/23062061/14/1

В.Н. Дувакина

ПЕРЕВОДЫ Е.Ф. КОРША 1834–1837 гг. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» (статья вторая)

Аннотация. *Рассматриваются опубликованные в журнале «Библиотека для чтения» в период 1834–1837 гг. прозаические переводы «промежуточных» жанров Е.Ф. Корша – аналитические, научно-популярные статьи, обзоры, рецензии.*

Ключевые слова: *Е.Ф. Корш, «Библиотека для чтения», перевод, русская и английская периодика XIX в.*

В нашей первой статье, посвященной работе Е.Ф. Корша в журнале «Библиотека для чтения», был представлен впервые составленный нами перечень публикаций 1834–1837 гг., о которых можно с точностью утверждать, что они принадлежат перу Е.Ф. Корша. Из этого перечня в первой статье были рассмотрены переводы художественной прозы, в частности повестей.

Во второй статье рассмотрим прозаические переводы «промежуточных» жанров, выполненные Е.Ф. Коршем и опубликованные в этом же журнале в эти же годы, – аналитические, научно-популярные статьи, обзоры, рецензии. Все эти жанры привлекали Корша, как и многих его современников, и в связи с поиском возможностей расширения предмета изображения в прозе, и с формальной стороны: именно в «промежуточных» жанрах переводной и оригинальной прозы в 1830-е гг. в русской литературе разрабатываются разные типы нарратива. Названные проблемы активно обсуждались и обсуждаются в отечественном литературоведении (об этом см. работы Ю.Н. Тынянова, статьи в сборнике

«Русская проза», вышедшем под редакцией Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова в 1926 г., исследования Р.М. Лазарчук, У. Тодда III, А.В. Архиповой, А.С. Янушкевича и др.), однако на материалах творческого наследия Е.Ф. Корша они не ставились.

Перед тем как перейти к разбору аналитических переводных статей, обзоров, рецензий, выполненных Е.Ф. Коршем, стоит привести примечание, которое дано в начале статьи «Гёте в посмертных его сочинениях» и многое поясняет по части характера его переводов в «Библиотеке для чтения»: «Хотя под этою статьею читатели найдут фирму одного Английского журнала, но мы предупреждаем однажды навсегда, во избежание всяких недоразумений, что статей, заимствованных из иностранных журналов, не должно почитать за простые переводы. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> берет из них только главный предмет, иногда лишь некоторые части. Форма этих статей всегда почти принадлежит исключительно Б.<ибблиотеке> для Ч.<тения>, которая многое прибавляет, убавляет, переделывает совершенно, как скоро в заглавии не выставлено имени какого знаменитого автора; часто две, три, четыре статьи из разных повременных изданий сливает она в одну статью, соединяя разнородные ее части своими рассуждениями и сообщая ей совсем другой вид. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> не переводит, а говорит вместе с издателями иностранных журналов о том же предмете, без спросу отвергает их суждения, несогласные с своими понятиями, и без хвастовства заменяет их собственными своими мыслями. Дело идет о пользе и удовольствии благомыслящих читателей <...>. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> не отмечает своих переделок посредством выносок, потому что они слишком многочисленны <...> эта переводная часть есть извлечение всего отличнейшего почти из сорока иностранных журналов; но Б.<ибблиотека> для Ч.<тения> покорнейше просила бы почтенных обожателей всего не-Русского сличить многие из мнимо переводных статей с их подлинниками и сказать, кому принадлежит их форма и занимательность. Б.<ибблиотека> для Ч.<тения>» [1. 1834. Т. 6. Отд. II. С. 65–66].

Одним из первых для журнала Е.Ф. Коршем был переведен очерк «Мистрис Инчбалд, её жизнь и сочинения» [Там же. Т. 2. Отд. 2.

С. 75–80], посвященный английской писательнице, актрисе и литературному критику Елизавете Инчбальд (1753–1821). В конце статьи указано, что материал был взят из журнала «Literary Gazette». Внимание читателей фокусируется на биографии Е. Инчбальд, особенностях характера («Природа наделила её умом проницательным, душою сильною, чувствительностью сокровенною и необычною» [1. 1834. Т. 2. Отд. 2. С. 79]), подробностях её жизни (например, сообщается, что она добилась успеха как актриса, несмотря на речевой недостаток – заметное заикание, что даже прославившись, она продолжала вести скромный образ жизни и предпочитала не выходить в свет и т.д.). Драммы Е. Инчбальд, говорится в очерке, имели большой успех, а роман «Простая история» прославил её. Высокие оценки творчества Инчбальд подтверждаются авторитетным высказыванием писательницы Марии Эджворт: «Мистрис Инчбалд употребляет мало слов, а владеет сильною выразительностью слога: в её таланте есть таинственная сила, смешанная с нежностью, до которой не достигла ни одна из её “соперниц”» [Там же. С. 80].

В следующем томе журнала была опубликована переводная рецензия Е.Ф. Корша [Там же. Т. 3. Отд. 2. С. 23–34], взятая из журнала «Blackwood's Magazine», на только что изданный в Англии роман Э. Бульвера-Литтона «Рейнские пилигримы» как на одно из популярных в современной Англии и других европейских странах, в частности во Франции, произведений. Редакцией журнала «Библиотека для чтения», судя по примечанию, Бульвер-Литтон ставится в ряд литературных гениев, превзошедших себя в романе «Рейнские пилигримы», а рецензия на роман, по мнению редакции, исполнена «превосходных мыслей», которые будут интересны и читателям, и писателям.

В начале статьи ставятся общая типично романтическая проблема соотношения духовного и материального и связанный с этим вопрос об изящном искусстве, которое стало товаром в обществе: «Теперь совсем другое дело: всякий спешит воспользоваться мгновенной прихотью публики, чтобы сделать прибыльный оборот своим умом, пока прихоть не минует» [Там же. С. 25]. Утвер-

ждается, что недостаток оригинальности в современных произведениях делает их похожими на гипсовые слепки. Между тем в статье подчеркивается, что «ещё поэзия не умерла, хотя её изуродовали лавочничеством <...>. Отрадно видеть, что еще от времени до времени мы способны чувствовать и производить истинно прекрасное» [1. 1834. Т. 3. Отд. 2. С. 29]. И далее автор, а вслед за ним и переводчик переходит непосредственно к размышлениям о Бульвере-Литтоне, указывая причину его известности во всем мире, заключающуюся в том, что писатель понял человеческое сердце, которое «у всех нас одно».

Большая часть рецензии, в духе времени, представляет собой пересказ произведения. В интерпретации рецензента оно предстает лишенным событийного начала, ориентированным на изображение внутреннего сюжета повествования, присущего романтическому роману-странствию, роману-мифу. В статье утверждается, что наиболее искусно в «Рейнских пилигримах» показана любовь Тривильяна к больной Гертруде: «...здесь искусство писателя оттеняет самые легкие изгибы сердца, самые тонкие намеки ума, является в полном блеске» [Там же]. В конце статьи Е.Ф. Корш приводит свой перевод последней главы романа, который, по словам И.А. Матвееенко, «давал, естественно, слабое представление о романе в целом, хотя и содержал ряд удачных находок переводчика». В частности, исследователем подчеркивается, что «Корш отозвался на попытку Бульвера создать психологический роман и представить конфликт идеала и действительности как стержень романтического произведения» [2. С. 14–15].

Любопытно сравнить переводную рецензию Е.Ф. Корша со статьей В.Г. Белинского «Рейнские пилигримы» о романе Бульвера, появившейся в газете-приложении к журналу «Телескоп» – «Молва» в 1835 г. Белинский совсем иначе отнесся к данному произведению. Роман Бульвера представляется ему похожим на сказку. По словам И.А. Матвееенко, «он отмечает неспособность автора передать важные, общественно-политического плана проблемы, видя причину этого в том, что сама художественная форма “Рейнских пилигримов”, романа-сказки, воспринимающаяся как откровенная

выдумка, противится подобному содержанию» [3. С. 93]. В то же время В.Г. Белинский, как и Е.Ф. Корш, высоко оценивает изображенные Бульвером-Литтоном «чувства и положения человеческие», видя в этом признак «высокой» литературы.

Оригинал статьи «О состоянии французской драмы» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 73–88] был взят Коршем из журнала «Quarterly Review», о чем он и уведомляет читателей. Нам удалось установить его – это «Art. VIII. State of the French Drama» [4]. Однако Е.Ф. Корш вполнину сокращает подлинник (перевод 36 страниц укладывается на 16 страницах). Укажем основные расхождения с оригиналом. Как правило, Е.Ф. Корш исключает те моменты, которые автор оригинальной статьи адресует англичанам, например, «Hernani and Henry III (under the title of Catherine of Cleves) have been some time before the English public in the excellent translation of Lord Francis Egerton» [4. P. 181] – «Эрнани и Генрих III (под подписью Екатерины Клевс) были некоторое время представлены перед английской публикой в превосходном переводе Лорда Фрэнсиса Эгертона» (перевод мой. – В.Д.). Он опускает пересказы Гюго, содержание которых, пишет Е.Ф. Корш, известно читателям «Библиотеки для чтения», сокращает разбор пьес Дюма, объясняя это тем, что «пределы журнальной статьи и цель, которую мы себе предположили, не позволяют войти в подробное рассмотрение всех... произведений» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 86].

Автор и переводчик исходят из широко распространенной позиции, согласно которой словесность делилась на классическую и современную – романтическую, или на «педантическую» и «сумасбродную». Замечания по поводу французской современной словесности ограничиваются драмой, которая лучше всего «обличает вкус целой нации»: «Виктор Гюго и Александр Дюма – вот два писателя, которые и в повестях, и в драмах дошли до высшей степени сумасбродства и которые в то же время любимейшие драматисты во Франции» [Там же. С. 77]. Очень точно утверждается при этом, что многие из их драм – это подражание Шекспиру, однако пафос рассуждения сводится к тому, что в сочинениях Гюго «мы видим семена заблуждений и недостатков, поражающих нас не-

приятным образом в его собственных произведениях» [1. 1834. Т. 4. Отд. 2. С. 79]. Заблуждения Гюго видятся автору (и поддерживающему его переводчику) в том, что «вся теория г. Гюго основана на каком-то смешанном понятии о соединении естественного с великим, а великим считает он, кажется, злодейство, и чем оно отвратительнее, тем для него лучше» [Там же. С. 80]. Обнаруженное заблуждение Гюго разделяет и его противник Дюма.

Анализ драматических произведений начинается с романтической трагедии «Марион Делорм» (1829). В статье излагается краткий пересказ пьесы и делается заключение о том, что «несмотря на грубость и невероятность завязки, эта пьеса еще сносна: по крайней мере, язык благопристоен, современные портреты, хоть и карикатурны, а удачно схвачены; нельзя даже отказать ей в некоторого рода занимательности» [Там же. С. 82–83]. Ниже по той же схеме рассматриваются «Король забавляется» (1832), «Лукреция Борджиа» (1833); по поводу последней делается следующий вывод: «Важнейшие злодейства Лукреции г-на Гюго – чистая, или, лучше, нечистая выдумка; даже будь они сушая правда, и то не стоило труда воскрешать их в Дrame, а оскорблять благопристойность и пятнать Историю такими отвратительными баснями, право, ни на что не похоже» [Там же. С. 84]. «Последняя пьеса г-на Гюго, “Мария Тюдор” (1833), хотя и не так омерзительна, – пишет критик, – однако ж грубо оскорбляет нравственность и еще более предшествующей грешит против Истории» [Там же. С. 85]. В завершение статьи делается общий красноречивый вывод о пьесах Гюго и Дюма: «Даже как чисто художественные произведения эти Драмы имеют... недостатки <...>: главный – чрезвычайная скудость изобретения, которая влечет авторов к беспрестанным повторениям одного и того же характера, одних и тех же положений». Низкий, по оценке рецензента (и переводчика), уровень содержания пьес объясняется «всеобщим упадком нравственности и расторжением всех общественных связей целого народа» [Там же. С. 86–88].

Статью «Дивы дивные» [Там же. Т. 5. Отд. 2. С. 139–148], посвященную индийским фокусникам, астрологии, философскому

камню и прочим явлениям, связанным с феноменом «чудесного», привлекавшим повышенный интерес не только массового читателя, но и многих выдающихся деятелей литературы первой трети XIX в., можно считать некой компиляцией, так как в конце перевода указано два источника: журналы «Quarterly Review» и «New Monthly Magazine». При просмотре «Quarterly Review» за 1831–1834 гг. нами была обнаружена статья «Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir» [5]. Из нее Е.Ф. Коршем переведены фрагменты об индийских фокусниках, которые поразили Джихангира [5. Р. 111–113]. Им он приписывал сверхъестественную силу. Из публикации «Sketches of human folly», обнаруженной нами в № I, II «New Monthly Magazine» за 1831–1834 гг. [6], Е.Ф. Коршем переведены фрагменты об астрологии, учении Парацельса, алхимии, короле Венцеславе, чешском фокуснике Зито и пр., составивших другую часть статьи «Дивы дивные».

Перевод выдержан в откровенно ироническом тоне. Нарратор не принимает абсолютно ничего, что не имеет рационального объяснения, на протяжении всего повествования безжалостно высмеивает *всякого рода* «чудеса», начиная с фокусов и кончая спиритизмом и фантастикой. Приведём в подтверждение сказанному лишь один фрагмент – об открывателе философского камня, превращающего свинец в золото: «Келли хвалился... будто бы нашел философский камень и испытал действительность его над превращением свинца в золото; однако ж в одной из бесед его мы находим, что он смиренно просит духа Мадими одолжить ему сотняшку недели на две, а тот отвечает, что истратил все свои деньги. Утешьтесь, читатели: иногда и у духов кошельки только числятся на службе!..» [1. 1834. Т. 5. Отд. 2. С. 145]. Но такой прямолинейной и однозначной позицией повествователь демонстрирует и ограниченность своих взглядов на мир, вызывая улыбку читателя.

Оригинал статьи «Гёте в посмертных его сочинениях» [Там же. Т. 6. Отд. 2. С. 65–92] взят из журнала «Foreign Quarterly Review»; как нам удалось установить, это – «Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke (Goethe's Posthumous Works). Bände VI–XV» [7]. Статья переведена достаточно близко к оригиналу, однако первые страницы

о содержании 6-го и 7-го томов и последние 3 страницы не были включены в перевод.

Открывая публикацию общей характеристикой Гёте как универсальной личности, не принадлежащей какой-то одной нации, культуре, литературному течению, автор (и вслед за ним переводчик) определяет и посмертные тома начатого самим Гёте собрания сочинений, выпущенные в свет секретарями писателя Ф.В. Римером и И.П. Эккерманом в 1832–1834 гг., как универсальные, отражающие всё многообразие творчества писателя. Особое внимание обращается на максимы, размышления Гёте, в том числе об искусстве, напечатанные в 9–11-м (49–51-м) томах, «беглые, смелые, тонкие, часто не оконченные, иногда загадочные суждения вкуса или взрывы вдохновения», которые «ускользают от всякого разбора» [1. 1834. Т. 6. Отд. 2. С. 66]. «Всех занимательнее и важнее» представляется 8-й (48-й) том, содержащий автобиографию Гете «Поэзия и правда», которая квалифицируется в статье как «исповедь, высказанная с таким же чистосердечием и полнотою чувства, как Жан-Жака Руссо», и проливающая «новый, особенный, яркий свет не только на самого автора, но и на большую часть современных ему литературных знаменитостей» [Там же. С. 66–67].

Статья в основном и посвящена этому сочинению Гёте, из которого её автором делаются обширные выписки, приводимые в переводной статье в интерпретации Е.Ф. Корша. Первая выписка развивает мысль писателя о природе его таланта, поэтического дара, который изначально «изливался без всякого произволения и даже против... воли» [Там же. С. 67]. «Для возникающего у нас поколения писателей и художников» выписывается (и переводится Е.Ф. Коршем) суждение Гёте о влиянии на него общества, которое лишает художника свободы творчества и независимости мысли. Это суждение вводится в контекст близких рассуждений об этом же предмете «преумной и учёной англичанки», писательницы Анны Джемисон (1794–1860): текст статьи содержит довольно большой фрагмент из её сочинения «Characteristics of women, moral, poetical and historical» (1832) – диалог Альды и Медона, разговаривающих о пагубном влиянии света на молодого автора.

Отдельное место в статье занимает пересказ истории любовных отношений Гёте с Лили, излагающейся на фоне рассказа об общественно-политической ситуации, в которой развивались эти отношения и к которой, по мнению многих, Гёте был абсолютно равнодушен, поскольку на историю он «смотрит с точки возвышенной», видит в ней «памятную записку вечно повторяющейся и необходимой борьбы безрассудства и страстей человеческих с благороднейшими выгодами образованности» и считает, что «для человека гораздо менее можно сделать извне, чем изнутри» [1. 1834. Т. 6. Отд. 2. С. 73].

Далее внимание читателей обращается к замечаниям о том, как «поэзия начала при нем отбрасывать рифму и даже предпочитать прозаическую форму стихотворной» [Там же. С. 75]. Эта проблема, обсуждаемая в статье с привлечением контекста (в частности, приводится обширная цитата из «Рейнских пилигримов» Э. Бульвера-Литтона о «преувеличении достоинств стихотворства, которое, по старой привычке, называют исключительно поэзией», и о природе прозы, которая способна просвещать и трогать сердце человеческое «гораздо более поэзии» [Там же. С. 76]), была чрезвычайно актуальной для русской литературы начала 1830-х гг. Ниже следует ещё одна большая выписка из суждений Гёте о Лафатере и о гении, которым он называет «способность человека, действуя и творя», давать новые «законы и правила» [Там же. С. 82]. В качестве контекста приводятся определения «гения» Ж.-Л.Л. де Бюффона, В. Газлита, С. Джонсона. Заканчивается статья большой выпиской из автобиографии Гёте об угасании отношений с Лили, в процессе чего создавался «Эгмонт» и вызревала мысль о путешествии в Италию, с которого, как известно, начинался новый период творчества писателя и истории немецкой литературы в целом.

Оригинал статьи «Кольридж» [Там же. Т. 7. Отд. 2. С. 1–20] обнаружен нами в «Quarterly review» за 1834 г., это – статья «Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge» [8]. В оригинальной статье приводится большое количество стихотворений английского поэта-романтика; Корш не включает их в свой перевод. За счёт этого переводная статья по объёму намного меньше оригинала. В остальном она близка к нему и строится на материале трехтом-

ного собрания стихотворений Кольриджа: «Перед нами лежат три тома стихотворений, собранных впервые, и газета с печальным известием о кончине знаменитого их автора и издателя. Кольриджа уже нет; но, уходя в лучший мир, он еще озаботился подарить нас сокровищем высоких своих вдохновений», – этот фрагмент, очевидно, принадлежит Коршу, поскольку оригинальная статья публиковалась ещё при жизни поэта. Обе публикации, и оригинальная, и переводная, претендуют на то, чтобы объяснить читателю «неверно понятый дух» поэзии Кольриджа [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 1].

Подчеркивая глубину философии Кольриджа, автор и переводчик отмечают удивительное совершенство рифмы и метрического расположения его стихотворений: «...звук и мера слов его кажутся взвешены на золотых весах небесной гармонии», что обнаруживалось в «тончайшем приноровлении хода речи к чувству», в выражении «глубины мысли метрической гармонией», музыкальностью [Там же. С. 6]. Особенность поэтической манеры Кольриджа трактуется в статье как стремление настроить читателя «на то же расположение духа, на тот же тон фантазии», из которых вылились «думы, оживляющие его картины. <...> Ни один писатель не выразил так живо, как Кольридж, той великой истины, что человек творит себе мир, или что воображение пересоздает и перекрашивает всё, его окружающее» [Там же. С. 8].

В статье рассматривается также драматический талант Кольриджа, наименее известный публике, поскольку его драмы, в духе времени, писались не для сцены, а для чтения («Угрызения совести», «Заполия»). Однако «Старинный моряк» («Старый мореход») и «Кристабель» представлены как сочинения, которые «есть и всегда будут одними из совершеннейших произведений фантастической поэзии не только в Англии, но в литературе всей Европы» [Там же. С. 17].

Высоко оценивая и любовную лирику английского поэта-романтика («У Кольриджа есть что-то особенное в изображении сладчайшей из страстей. Любовь его не мрачна, как у Байрона, не весела, подобно Муровой, и неумственна, как у Вордсворта. Это светлая безоблачная страсть, слитая из уважения, рыцарской

нежности и вежливости; чистая, но пламенная; нетерпеливая, но созерцательная. Это Петрарка и Шекспир вместе. Это летний свет луны в любовной поэзии» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 18]), автор заканчивает статью большой выпиской из объяснений Кольриджем своей «философии христианского человека», которая напрямую пересекается с религиозными, нравственно-этическими и эстетическим поисками русской литературы 1830-х гг.: «Система моя... есть единственный опыт... привести к согласию всякое знание. <...> Я старался совокупить отдельные части истины, составить из них цельное зеркало. <...> Мне хочется соединить нравственную связь естественную историю с политической... у истории отнять ее случайность, у науки фатализм» [Там же. С. 20].

Статья «Очерки Италии, Португалии и Испании» [Там же. С. 37–54] представляет собой рецензию на произведение английского писателя Уильяма Бекфорда «Италия и очерки Испании и Португалии» (1835), в котором рассказывается о его путешествиях и которое он не издавал 40 лет. В публикации не указано, откуда Е.Ф. Корш взял данный материал, поэтому можно предположить, что статья является непереводной.

Очерки Бекфорда, по словам С. Бабуха, «предвосхищают в английской литературе байроновского Чайльд-Гарольда. Тот же восторг перед дикой природой и её стихийными силами, то же преклонение перед остатками великого прошлого Южной Европы. Это не художественное произведение в полном смысле слова, это – письма, заметки и воспоминания. Но язык этих произведений высокохудожественный» [9]. Главным предметом изображения путевых заметок Бекфорда, по мнению Е.Ф. Корша, является образ автора и «глубокие впечатления», полученные им во время путешествия и описанные с талантом поэта: «Он поэт, и даже великий, хотя отроду не писал стихов» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 38]. Подчеркивая художественность описаний Бекфорда, Е.Ф. Корш так характеризует его стиль: «Восторг его перед чудесными видами гор, лесов и потоков обличает в нем душу, любимицу Природы и изливается простым, но сильным живописным языком» [1. 1834. Т. 7. Отд. 2. С. 38]. Большую часть рецензии, как обычно, состав-

ляют обширные «выписки» из рецензируемого сочинения в переводе критика: описание тирольских лесов, Венеции в разное время суток, Рима, Картезианского монастыря близ Гренобля и др., сделанные и переведенные в духе романтической эстетики. Приведём для примера лишь один фрагмент перевода:

Никогда не забуду, что я чувствовал, тихо спускаясь с холмов и едуци через мост на Тибре! Когда я увидел перспективу вилл с их террасами и красивыми воротами, которая ведет к Porta del Popolo, когда я увидел площадь, куполы, обелиск, длинный ряд улиц и дворцов, открывавшийся с обеих сторон в отдалении, когда я увидел всё это, обьятое живым, румяным пламенем заката, можете представить, как наслаждался любимым моим светом, любимым часом дня, окруженный такими предметами. Можете вообразить, как я всходил на Монте Кавалло, опираясь на подножие Буцефала, как, несмотря ни на позднюю пору, ни на расстояние, спешил я по обету в церковь Св. Петра [Там же. С. 44].

Статья «Новейшая изящная словесность в Германии» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 92–118] представляет собой обширное обозрение современной на тот период немецкой словесности. В конце публикации также не указано, откуда Е.Ф. Корш брал данный материал, поэтому можно предположить, что и эта статья является непереводной. После смерти Е.Ф. Корша в некрологах, посвященных ему (журнал «Всемирная иллюстрация» (1897. Т. 58, № 18), «Исторический вестник» (1897. Т. 70, № 12), газета «Русские ведомости» (1897. № 278)), указано, что «вплоть до 1836 г. чуть не в каждой книжке названного журнала («Библиотека для чтения». – В.Д.) попадались то переводные, то оригинальные статьи Е.Ф. Корша. К последним, например, относится статья “Новости изящной словесности в Германии”».

Названная самим Е.Ф. Коршем «статейкой, самой скромной статейкой», публикация представляет историю современной немецкой литературы так, как её видел автор, это – своего рода пантеон писателей Германии, сыгравших, по мнению Е.Ф. Корша, определённую роль в формировании культурно-исторического образа новейшей Германии и её словесности, «так мало известной в

нашем отечестве, что даже и немногие слова будут для большей части читателей довольно обстоятельным изложением предмета» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 94]. Начиная отсчёт эпохи современной литературы Германии со времени кончины Гёте и осмысливая то место, которое она займет в истории, Е.Ф. Корш отмечает возрастание ее интереса к католицизму и новую романтическую школу, которая была пробуждением поэзии Средних веков в современной немецкой словесности. В духе времени автор статьи ставит проблему противоборства «древних» и «новых» авторов, классического и романтического направлений в литературе, отмеченных тяготением к сферам соответственно телесного и духовного: «Между подвигами романтической школы особенно замечателен переход Ф. Шлегеля и некоторых других членов её к католицизму, но ещё более заслуживает внимания соперничество А.В. Шлегеля с И.Г. Фоссом, тогда уже знаменитым переводчиком Гомера. Фосс был одним из самых опасных и заклятых врагов новой школы. С неутомимым усердием переводил он остальных языческих поэтов древности, между тем как А.В. Шлегель старался также в хороших переводах ознакомить публику с христианскими, романтическими поэтами» [Там же. С. 100].

Далее в статье называются знаковые для становления романтической немецкой школы имена, и первым среди них названо имя Л. Тика, «надежнейшей опоры новой школы, обладающей именно тем оружием, в каком она имела наиболее нужды, — глубоким чувством, роскошным воображением, юмором, даже остроумием» [Там же. С. 103]. Корш подчеркивает как самые важные открытия Тика в литературе его обращения к субъективному, поэтическому пониманию мира, близкому к прозрению художником в реальном идеального, высшего, бесконечного начала, не столько мыслимого, сколько чувствуемого, отмеченного знаком изменчивости, текучести, непрерывного творения. Корш обращает внимание и на важность открытой Тиком романтической иронии, призванной выразить идею незаконченности вечно творимого мира.

В ряд ранних немецких романтиков Е.Ф. Корш по праву ставит и Новалиса, одного из самых выдающихся писателей йенской

школы, перу которого принадлежит демонстрирующий все глубины Духа оставшийся незавершенным роман «Генрих фон Офтердинген». Продолжателями раннеромантической немецкой литературы, заслуживающими внимания русского читателя, Е.Ф. Корш называет А. фон Арнима и К. Брентано, представителей гейдельбергского кружка, которые, как известно, перенесли акценты в эстетике с категории конечного на историческое бытие. Особенно актуальное значение приобретают у гейдельбержцев понятие «народный дух» и изучение его языков, в первую очередь фольклора. Известность Арниму и Брентано, как считает Е.Ф. Корш, принесло именно то, что общими силами они издали собрание народных песен, в которых «слышно биение германского сердца» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 105].

Особое место в статье отводится характеристике позднего немецкого романтизма, в частности «швабской школы», таких её представителей, как Г. Шваб, Ю. Кернер и Л. Уланд, чьи сочинения, пишет Е.Ф. Корш, составляют любимое для германцев чтение. Наиболее подробная характеристика дается поэту Ф. Рюккерт: «Рюккерт во многом уступает Уланду; он, что называют немцы, поэт субъективный, черпающий источник песней в одних личных своих чувствованиях; но в этом роде он отличается силою и богатством мыслей и необыкновенной красотой выражения» [Там же. С. 107]. Она продолжается оценкой роли в истории немецкого романтизма В. Мюллера: «Его “Греческие песни” произвели глубокое впечатление, потому что он первый говорил так красноречиво за детей Эллады. В числе их есть элегия на смерть лорда Байрона, одно из лучших произведений германской музыки» [Там же]. «Бесспорно лучшим из поэтов северной Германии» называет Е.Ф. Корш А. фон Шамиссо, подчеркивая, что именно лирические стихотворения доставили ему наибольшую известность [Там же. С. 108].

Неподражаемым драматургом, признанным таковым далеко за пределами Германии, назван Ф. Шиллер. Ближе всех к нему подошёл, как считает Корш, Теодор Кёрнер, который, однако, «при всех достоинствах слога и драматической разительности», как и

все последователи Шиллера, «обнаруживает недостаток самобытного гения и глубины» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 109]. Весьма не лестной оценки заслуживает, по мнению Е.Ф. Корша, творчество немецкого драматурга Э.Б.С. Раупаха, который после одной из своих премьер («Княжна Хаванская», 1820) был назван восторженной публикой достойным наследником таланта Шиллера. Однако Е.Ф. Корш по его поводу пишет следующее: «Отсутствие чувства нельзя вознаградить никаким расчётом, и Раупах успел только приобрести имя плодовитейшего писателя» [Там же. С. 110]. Лучшим из новейших трагиков Германии в статье называется Г. фон Клейст, судьба которого была трагична не менее его произведений. В историю немецкой литературы первой половины XIX в. вписано и имя К. Иммерманна, который, по оценке Е.Ф. Корша, «был тоже истинный поэт» и которого трудно рассматривать в рамках какой-то одной литературной школы. Начав подражанием Шекспиру, он с каждым новым произведением приближался к идеальной цели своего воображения и получал право на известность.

Среди писателей, внесших вклад в немецкую прозу, Е.Ф. Корш отмечает Фридриха де Ла Мотт-Фуке, выходца из Норвегии Хенрика Стеффенса, романиста Карла Шпиндлера. Ведущим прозаическим жанром он называет повесть, своеобразие которой видит в том, что «германцы не только усвоили себе историческую повесть, но сделали из нее всемирную эпопею, отличающуюся полной свободой форм» [Там же. С. 114]. Далее Е.Ф. Корш перечисляет в статье произведения немецких прозаиков «с той целью, что это может служить руководством при выборе предметов для чтения, сколько-нибудь достойных любопытства наших читателей» [Там же].

И, наконец, отдельно Е.Ф. Корш выделяет в истории немецкого романтизма Э.Т.А. Гофмана. Улавливая самую суть эстетики двоемирия, пришедшей в позднем немецком романтизме на смену раннеромантической концепции универсализма, критик пишет: «В произведениях Гофмана нет ничего утешительного, возвышающего душу: он не в силах укротить той бури, которую дано ему

возбуждать; он вызовет демона, и может только повиноваться его воле; это участь всех, кто однажды побратался с нечистым» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 117]. В завершение статьи Е.Ф. Корш возвращается к фигуре Гёте и определяет его роль в истории немецкой словесности, называя писателя литературным монархом Германии.

Ещё одна оригинальная литературно-критическая статья Е.Ф. Корша – «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» [Там же. С. 162–180] – посвящена английской поэтессе Фелиции Хеманс (1793–1835). В статье рассказана ее биография и отмечено, что, несмотря на её обширную ученость, все её произведения были плодами мгновенных побуждений. Поэзия Хеманс довольно высоко оценена Е.Ф. Коршем, который полагает, что первого истинного поэта-женщину увидели именно в стихах этой знаменитой ирландки: «Немногие выразили так сильно характер свой в поэтических созданиях, как она» [Там же. С. 164].

Между тем бо́льшая часть статьи посвящена английскому поэту У. Вордсворту, принадлежащему к так называемой озёрной школе. Это одна из первых статей об английском поэте, опубликованных в России. В статье Д.Н. Жаткина и А.А. Рябовой «Е.Ф. Корш как интерпретатор творчества Вильяма Вордсворта (на материале статьи “Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт” и перевода баллады “Нас семеро”)» подробно разобрана данная публикация, а также проведён сравнительный анализ различных переводов баллады Вордсворта «Нас семеро». Для нашего исследования работа этих исследователей представляет большую ценность, поэтому следует подробно её рассмотреть, выделяя основные моменты, важные в рамках нашего исследования.

Прежде всего в ней обращается внимание на эпиграф к статье Е.Ф. Корша¹ и повод к ее написанию. И то и другое, по мнению Д.Н. Жаткина и А.А. Рябовой, было призвано «отразить общий упадок британской литературы, вызванный не только смертью ведущих авторов – П.-Б. Шелли, Дж.-Г. Байрона, Дж. Крabbа,

---

¹ «Когда Вордсворт и Гименс умрут, в тот самый день будут похороны английской поэзии».

В. Скотта, но и отходом от поэтической деятельности Т. Мура, Р. Саути, угасанием творчества С. Роджера» [10. С. 28–29]. Кроме того, следует согласиться с исследователями, отметившими проникновение Е.Ф. Корша в самую суть поэзии английского романтика, между прочим, оцененную английским критиком В. Хэзлитом как изъясн: «Поэзия его основана на крайнем и беспрестанном противополжении естественного искусственному, духа человеческого духу моды и суетного света <...> она выбирает самые пошлые происшествия, самые обыкновенные предметы, как будто для того, чтобы доказать, как занимательна природа своей существенной красотою, не имеющею нужды в пышном одеянии; отсюда эта странная смесь кажущейся простоты с истинной глубиною, такая поразительная в “Лирических балладах”», – и далее: «Никто в мире не сообщал такой важности ничтожным предметам; никто не переводил так красноречиво простейших чувств человеческого сердца» [Там же. С. 172].

Здесь определён характерный для всех «озёрников» и, прежде всего, для Вордсворта культ чувства, тесно связанный с культом природы и естественного повседневного течения жизни. Природа и человек, в представлении русского критика, являются для Вордсворта высшими носителями духовности, гармонии и красоты. Все эти идеи легли в основу абсолютно новой поэтической системы, созданной английским поэтом, настолько новой, что, по словам Е.Ф. Корша, «дураки им <стихам Вордсворта> смеялись; люди с умом едва могли понять их: так они были новы». И далее: «Они или покажутся непонятными, или глубокий смысл их неизгладимо врежется вам в душу; они или отскочат от вашего сердца, или проникнут далеко, чтобы никогда из него не выйти» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 170, 175].

Статья заканчивается прозаическим переводом стихотворения Вордсворта «Lines Suggested by a Portrait from the Pencil of F. Stone» («Строки, вызванные портретом работы Ф. Стоуна», 1834, опублик. в 1835), сделанным Е.Ф. Коршем с целью подчеркнуть мысль о способности английского поэта «сливать в одно гармоническое описание рассказ и думу» [1. 1835. Т. 12. Отд. 2. С. 176]. Д.Н. Жаткин и

А.А. Рябова представляют сравнительный анализ оригинала данного стихотворения и перевода Е.Ф. Корша [10. С. 30–31] и делают справедливый вывод о том, что прозаические переводы критика, вошедшие в его статью об английском поэте², «никоим образом не отражают поэтической красоты сочинений Вордсворта», но вместе с тем «в них наглядно ощутимо единение поэта с природой, яркими красками окружающего мира» [Там же. С. 34].

Ряд переводов Е.Ф. Корша, относящихся к «промежуточным» прозаическим жанрам, можно определить как научно-популярные статьи. Все они были опубликованы в третьем отделе журнала «Библиотека для чтения» – «Науки и художества». Одна из них – «Чувства, способности и страсти рыб» [1. 1834. Т. 5. Отд. 3. С. 65–80]. Указано, что оригинал статьи взят из журналов «Foreign Quarterly Review» и «Monthly Review». Начиная статью с постановки проблемы применения этических понятий к обитателям обширного водного пространства нашей планеты, автор строит свое рассуждение с описания доступных рыбам ощущений, которые они могут получать благодаря зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию: «Из этого видно, что внешние чувства рыб не так устроены, чтоб сообщать им живые и точные впечатления» [Там же. С. 70]. Их единственные потребности – питание и воспроизведение, во всяком случае, далее наука в изучении этого вопроса не пошла. В подтверждение этого утверждения приводятся фрагменты из исследований ихтиологов и натуралистов – Марциуса, Генкока, Джесса, Гледича, которые предполагали, что рыбы обладают умственными способностями, памятью, страхом, хитростью, способностью заботиться о потомстве.

Данная научно-популярная статья интересна, написана простым языком и вполне отражает цель журнала «Библиотека для чтения» – ориентация на разнообразные интересы провинциальной публики. Кроме того, в ней, в популярном, конечно, виде, ставится

---

² В статье приведены также прозаические переводы отрывков из стихотворений «Моей сестре» («To my Sister», 1798) и «Ода: признаки бессмертия» («Ode: Intimations of Immortality», 1804, опублик. в 1807), принадлежащие Е.Ф. Коршу.

проблема философского характера, которая впоследствии станет одной из центральных в русской и европейской литературе, – применимы ли к природе понятия морали.

Переведенная Е.Ф. Коршем статья известного французского физика и астронома Франсуа Араго «Двойные и тройные звезды» [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 1–44] взята из французского альманаха общества «Бюро долгот» «*Annuaire du Bureau des longitudes*» («Справочник Бюро долгот») – французской научной организации астрономического направления. Она носит научно-популярный характер, обобщая взгляды на небесные светила многих ученых. Достоинством автора называется способность «излагать самые отвлеченные вопросы ясным и доступным для всех образом» [Там же. С. 3], рассматривая «огромное пространство мироздания <...>, с которым любит играть мысль поэта, и где сердце смертного с благоговением ищет обители Божества» через «стекло», «с помощью алгебраических формул», т.е. с научной точки зрения [Там же. С. 1].

Оригинал еще одной статьи, переведенной Е.Ф. Коршем для отдела «Науки и художества», «Философия и философическая критика г. Кузена» [Там же. С. 63–84], взят из журнала «*Edinburgh Review*» – это «*Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie, par M. Victor Cousin*» [11]. Данный перевод не отступает от оригинала, сделан без пропусков и изменений. Он посвящен французскому философу, создателю доктрин эклектизма и спиритуализма, профессору Сорбонны Виктору Кузену (1792–1867). В статье указано, что важнейшей заслугой Кузена является то, что он познакомил Францию с немецкой идеалистической философией Шеллинга и Гегеля: «Заслуга его в том, что он сделал понятными и общедоступными во Франции эти *obscura reperta*, мрачные затворы двух глубоких и восторженных мыслителей, изложив их соответственно своему ясному и блестящему разумению» [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 63–64]. «Важнейшими из оригинальных произведений г. Кузена» в статье называются «Курс» его лекций об истории философии³ и «Философические Отрывки»⁴ [1. 1834. Т. 7. Отд. 3. С. 64].

³ «*Nouveaux fragments philosophiques. Cours de l'histoire de la philosophie*» (1828).

Именно второе произведение вызывает у автора и переводчика статьи особый интерес, так как «оно заключает в себе основания собственной его системы, о которой мы постараемся дать краткое понятие» [Там же. С. 65].

Представляя философию Шеллинга и Гегеля близкой к религии, исходящей из онтологии, из построения модели идеального человека, Кузен, по словам автора статьи, проецирует эти идеи на «психологию частного лица», что превращает её в «новую религию, помогающую от нас ежели не чистой веры <...>, так, по крайней мере, полувверия, мистицизма» [Там же. С. 67]. Кузен попытался объединить философию ощущений⁵ с онтологией, частное с отвлеченным. Пристальное внимание уделяется взглядам Кузена на философию Дж. Локка, во взглядах на которую выявляются «слепое системолюбие и склонность жертвовать ему исторической истиной». Первая и главная цель Кузена, считает автор статьи, – «втеснить многообъятное учение Локка в пределы своей исключительной системы ощущения», и это очевидно противоречит учению Локка, ясно различавшего два источника знания – «ощущение и размышление» [Там же. С. 78]. Также ложно понимали философию Локка, как считает автор статьи о Кузене, и Лагарп, и энциклопедисты, и Ф. Шлегель, приписывающий Локку «склонность к материализму и атеизму» [Там же. С. 80]. Кузен представлен в публикации великим эклектиком, пытавшимся соединить идеи материализма и идеализма, философию Локка и Канта, что особенно заметно в трактовке пространства и времени, которой и заканчивается переводная публикация Е.Ф. Корша.

---

⁴ «Fragments philosophiques» (1826, 2-е изд. в 1834).

⁵ Кузен разделяет в философии четыре системы: философию ощущений, идеализм, скептицизм и мистицизм. Философия ощущений, имеющая древние восточные корни, признает душу вечной, неизменной, невещественной. К этим же истокам возводятся идеализм и спиритуальная философия и мистицизм. Что касается истоков скептицизма, то, по мнению Кузена, они до сих пор не выявлены. В противовес восточной философии Кузен рассматривает древнегреческую философию (Сократ, Платон, Аристотель), которая была сосредоточена на «явлениях внешней природы» [21. С. 74]. В Средние века философия, по мнению Кузена, склонилась перед богословием.

Наконец, значительное место среди публикаций «промежуточных жанров», созданных Е.Ф. Коршем для «Библиотеки для чтения», занимают травелоги. Так, в отделе «Науки и художества» размещены «Путешествия Тейермена и Беннета» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 89–112] и указано, что оригинальный текст взят из журнала «Edinburgh Review». При просмотре выпусков журнала за 1831–1834 гг. нами была обнаружена статья «Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq...» [12]. Этот перевод Е.Ф. Корша также не отстывает от оригинала, сделан без пропусков и изменений. Публикация открывается историей создания путешествия, в которой подчеркивается его документальная основа: «Journal of voyages and travels, etc. <...> с подлинных документов Джеймсом Монгомери. 2 тома, Лондон, 1833» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 89].

Пафос нарратива определяется тем, что описываемое путешествие носило миссионерский характер: «Учреждение этого Общества чисто вселенское: не придавая себе отличительного наименования, оно исповедует соединение всех Христиан в великом деле просвещения Христианством мира языческого» [Там же. С. 89]. Охарактеризовав в целом данное сочинение («Вот занимательная книга! Просто, как дневник путешествий, заслуживает она внимание тех, чье воображение услаждается картинами чужих краев; но она решительно имеет право и на высшую важность. Здесь найдете вы любопытные явления истории и быта диких народов и прелестную картину состояния мира языческого, с восходящею над ним зарею гражданственности, познаний и религии» [Там же. С. 89]), автор перевел с французского языка на английский (а Е.Ф. Корш с английского на русский) и частично пересказал наиболее интересные события, свидетелями которых были путешественники на островах Южного моря. В целом читателю представляется занимательная история царя острова Таити Помара, обратившегося в христианство и приведшего в эту веру своих подданных.

В конце статьи подчеркивается, что «посещения нашими путешественниками Явы, Сингапоре, Кантона и Малакки чрезвычайно занимательны; но пределы журнала не позволяют о них распростра-

няться», поэтому «публикация заключается строгим документально подтвержденным перечнем сообщаемых ими известий о Мадагаскаре, <...> почерпнутых из рукописного дневника г-на Гасты, который был одно время Английским Резидентом при Дворе Короля Радамы» [1. 1834. Т. 2. Отд. 3. С. 108]. Этот синтез документального, занимательного и пропагандистского начал отмечал и обозреватель русских газет и журналов «Журнала министерства народного просвещения». О рассмотренном переводе Е.Ф. Корша, в частности, в обозрении говорится, что в нем «представляются несколько любопытных явлений истории и быта диких народов и утешительная картина успехов гражданской образованности и религии посреди дикарей-язычников» [13. С. 148].

Травелог «Средняя Азия. Путешествия Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса» [1. 1834. Т. 6. Отд. 3. С. 105–136], скорее всего, оригинальный, также был напечатан в отделе «Науки и искусства» (указано, что публикация принадлежит перу Е.Ф. Корша, но не указано, откуда он взял данный материал). Публикация опирается на материалы путешествия государственного деятеля и путешественника Н.Н. Муравьева-Карсского (1794–1866), который в 1819 г. был командирован генералом Ермоловым в Среднюю Азию для изучения её как области интересов России. Задачами экспедиции были: составление географического описания посещаемых земель, разведка полезных ископаемых и – главное – изучение возможных путей в Индию и начало дипломатических отношений с туркменами, а также посещение Хивы, одного из самых известных городов Средней Азии.

Вторым источником материалов для статьи Е.Ф. Корша стало «Путешествие из Оренбурга в Бухару» Е.К. Мейендорфа (1795–1863), капитана Гвардейского генерального штаба, которому предписывалось, находясь в составе русского посольства в Бухарском ханстве, исследовать киргизскую степь, определить места для постройки русских крепостей, которые должны были обезопасить караванные пути в Бухару и Хиву.

Этим источникам противопоставлялись описание путешествия британского путешественника А. Конолли (1807–1842) через Ка-

ракумскую пустыню в Хиванское ханство (1830) и «Путешествие в Бухару» (1834) еще одного английского путешественника А. Бёрнса (1805–1841). Статья носит политический, исторический, публицистический характер и до сих пор представляет интерес для историков. Она часто упоминается в исследованиях истории Бухарского эмирата. Основная тематика публикации выражена в следующем высказывании: «Мы намерены представить в этой статье краткий свод того, что по сие время известно Европе от русских и английских путешественников о нынешнем состоянии самой любопытной и самой недоступной части Азии» [1. 1834. Т. 6. Отд. 3. С. 107].

Статья состоит из пересказа материалов Н.Н. Муравьева, Е.К. Мейендорфа, А. Конолли и А. Бёрнса и большого количества цитат из описаний их путешествий. Материал, очевидно, отбирался с точки зрения его интереса для широкого круга читателей, Е.Ф. Корш это неоднократно подчёркивает и отсылает за подробностями к первоисточникам. Так, в соответствии с жанровыми канонами путешествия в статье Е.Ф. Корша «для удовольствия читателей» приводятся «занимательнейшие черты» названных сочинений, оттесняющие на задний план «рассуждения» о «торговых видах» России на Среднюю Азию. Это описание сухопутной дороги от Астрахани до Хивы, места впадения Аму-Дарьи в Каспийское море (переданное со слов Н. Муравьева), этнографические описания быта киргизов (прямое цитирование объемом в 1–5 и более страниц сочинения Мейендорфа), описание Бухары путем обширного цитирования сочинения Бёрнса [Там же. С. 114–121] и т.д.

Итак, представленный обзор и анализ переводных и оригинальных произведений Е.Ф. Корша из «Библиотеки для чтения» 1834–1837 гг., относящихся к «промежуточным» жанрам, позволяет сделать вывод о том, что его публикации отличаются, кроме разнотипности, информативности, познавательности, приверженностью романтической эстетике, что соответствовало не только интересам широкого круга читателей журнала, но и духу времени 1830–1840-х гг. Данные публикации отражали интерес читающего сообщества, помогали формировать вкус читателей журнала, были

реакцией на самые последние события в современном литературном, философском, научном процессе.

Литература

1. Библиотека для чтения: ежемесячный журнал. СПб., 1834–1837.
2. Матвеев И.А. Рецепция Э. Бульвера-Литтона в России 1830–1850-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 23 с.
3. Матвеев И.А. В.Г. Белинский о романе Э. Бульвера-Литтона «Рейнские пилигримы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 92–94.
4. Art. VIII. State of the French Drama // Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 177–212.
5. Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir // Quarterly Review. 1834. Vol. 51. P. 96–116.
6. Sketches of human folly, № I, II // New Monthly Magazine. 1834. Vol. 41. P. 181–190; 342–352.
7. Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke (Goethe's Posthumous Works). Bände VI–XV // The Foreign quarterly review. 1834. Vol. 14, № 27. P. 131–162.
8. Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge // Quarterly review. 1834. Vol. 52, № 103. P. 1–38.
9. Бабух С. Бекфорд // Литературная энциклопедия : в 11 т. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-3921.htm>
10. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Е.Ф. Корш как интерпретатор творчества Вильяма Вордсворта (на материале статьи «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» и перевода баллады «Нас семеро») // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 28–34.
11. Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie, par M. Victor Cousin // Edinburgh Review. 1834. Vol. 59, № 70. P. 359–372.
12. Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq., deputed from the London Missionary Society, to visit their various Stations in the South Sea Islands, China, India, &c. between the years 1821 and 1829. Compiled from the Original Documents by James Montgomery // Edinburgh Review. 1833. Vol. 57, № 65. P. 80–95.
13. Обзорение русских газет и журналов // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 4. С. 148.

TRANSLATIONS BY EVGENY KORSCH IN *BIBLIOTEKA DLYA CHTENIYA* (1834–1837). PART 2

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 5–30.

DOI: 10.17223/23062061/14/1

Vladislava N. Duvakina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vladamet@mail.ru

Keywords: Evgeny Korsch, *Biblioteka dlya chteniya*, translation, periodicals of the 19th century, Russian periodicals, English periodicals.

The paper describes the translations by Evgeny Fedorovich Korsch in the journal *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading]. E.F. Korsch (1809–1897) participated in the publication of many well-known newspapers and journals; he was an authoritative editor. But, unfortunately, his personality and activities are forgotten at the moment, and require a study to establish an overall picture of Russian literature and publishing processes of the 1830s–1850s and the role E.F. Korsch played.

The first part of the article presents a list of publications whose authorship belongs to Korsh. From this list, translations of literary works were considered in the first article. In this (second) part of the article, translations of analytical articles, surveys, reviews (9 articles) and prose translations of “in-between” genres (5 articles) are examined. Some of the publications were written by Korsh. These are four articles: “Essays on Italy, Portugal and Spain”, “The Latest Elegant Literature in Germany”, “Felicia Hemans and William Wordsworth”, “Middle Asia. Travels of Muravyov, Meyendorff, Conolly and Burnes”.

Many of the publications of Korsh were translated from British magazines such as *New Monthly Magazine*, *Quarterly Review*, *Foreign Quarterly Review*, *Edinburgh Review*. These are articles like “Mrs. Inchbald, Her Life and Works”, “The Rhine Pilgrims”, “On the State of the French Drama”, “Marvellous Divas”, “Goethe in His Posthumous Works”, “Coleridge”, “Feelings, Abilities and Passions of Fish”, “Philosophy and Philosophical Criticism of Mr. Cousin”, “Travels by Tyerman and Bennet”. Also one article has been translated from the French almanac *Annuaire du Bureau des longitudes* – “Double and Triple Stars”.

The considered publications suggest that the contribution of E.F. Korsch to the development of the journal *Biblioteka dlya chteniya* was significant. These publications reflect the interest of the reader community, they helped to form the taste of readers and were a reaction to the most recent developments in the literary process of the time.

References

1. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading].
2. Matveenko, I.A. (2003) *Retseptsiya E. Bul'vera-Littona v Rossii 1830–1850-kh godov* [E. Bulwer-Lytton's reception in Russia in the 1830s–1850s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk. pp. 14–15.
3. Matveenko, I.A. (2011) V.G. Belinskii about E. Bulwer-Lytton's novel *The Pilgrims of The Rhine*. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3(10). pp. 92–94. (In Russian).
4. Anon. (1834) Art. VIII. State of the French Drama. *Quarterly Review*. 51. pp. 177–212.
5. Anon. (1834) Art. V. Memoirs of the Emperor Jahangueir. *Quarterly Review*. 51. pp. 96–116.

6. Anon. (1834) Sketches of human folly, №. I, II. *New Monthly Magazine*. 41. pp. 181–190; pp. 342–352.
7. Anon. (1834) Art. VI. Goethe's Nachgelassene Werke [Goethe's Posthumous Works]. Vol. VI–XV. *The Foreign Quarterly Review*. 14(27). pp. 131–162.
8. Coleridge, S.T. (1834) Art. I. The Poetical Works of S.T. Coleridge. *Quarterly Review*. 52(103). pp. 1–38.
9. Babukh, S. (n.d.) *Bekford* [Beckford]. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3921.htm>.
10. Zhatkin, D.N. & Ryabova, A.A. (2010) E.F. Korsh kak interpretator tvorchestva Vil'yama Vordsvorta (na materiale stat'i "Felitsiya Gimens i Villiam Vordsvort" i perevoda ballady "Nas semero") [E.F. Korsh as the interpreter of William Wordsworth (a case study of the article "Felicia Gimens and William Wordsworth" and the translation of the ballad "We are seven")]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(25). pp. 28–34.
11. Cousin, V. (1834) Art. IV. Cours de l'Histoire de la Philosophie. *Edinburgh Review*. 59(70). pp. 359–372.
12. Tyerman, D. & Bennet, G. (1833) Art. IV. Journal of Voyages and Travels by the Rev. Daniel Tyerman, and George Bennet, Esq., deputed from the London Missionary Society, to visit their various Stations in the South Sea Islands, China, India, &c. between the years 1821 and 1829. Compiled from the Original Documents by James Montgomery. *Edinburgh Review*. 57(65). pp. 80–95.
13. Anon. (1834) Obozrenie russkikh gazet i zhurnalov [Review of Russian newspapers and magazines]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. pp. 148.